

БАГРОВЫЙ УЗОР

РОМАН ТАИН

Илья Петрухин

Илья Петрухин
Багровый узор

«Автор»

2026

Петрухин И.

Багровый узор / И. Петрухин — «Автор», 2026

Убийство в заброшенном храме. Красная шёлковая нить как единственная улика. Два крика в ночи. Ван Ся, мечтающая о карьере сыщика, и Лон Шаорань, гений, уставший от жизни. Им предстоит столкнуться с профессором Сато — философом и убийцей, для которого каждое преступление — эксперимент. Но что, если их соперничество — лишь партия в большой игре, начавшейся четверть века назад? «Шанхайский лабиринт» — это история о цене правды, о том, как логика и сердце могут стать оружием, и о ловушке, из которой нет выхода.

© Петрухин И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Илья Петрухин

Багровый узор

Глава 1

Шанхай, 1884 год

Шанхай ворвался в сознание Ван Ся оглушительной, пестрой симфонией.

После душного, пропитанного историей Пекина этот город казался живым, дышащим существом, бешено пульсирующим в ритме будущего. Из окна рикши она, словно голодная, выпитывала все детали: ослепительные фасады европейских банков, уютно примостившиеся рядом с темными арками подозрительных притонов, пронзительные гудки пароходов с реки и настойчивые крики торговцев. Она не чувствовала смятения — лишь щемящий восторг и предвкушение.

Здесь, в этом кипящем котле, она найдет свое место.

«У тебя получится, — твердо сказала она себе, глядя на мелькающие улицы. — Здесь все возможно».

Ее чемодан, набитый книгами по логике и европейскими детективными романами, был билетом в новую жизнь. Семья, некогда влиятельная, потеряла все, но Ван Ся была полна решимости вернуть себе положение не замужеством, а умом. Шанхай был ее холстом, а загадочные преступления, о которых она читала в газетах, — красками.

Гостиницу она выбрала наугад, ориентируясь на скромные цены и вывеску на китайском в одном из менее оживленных, но все же полных характера переулков.

«Приют Странствующего Ученого» — прочла она и улыбнулась. Хорошее предзнаменование.

Воздух в холле был густым, пах ладаном, старой древесиной и тысячами человеческих историй. За стойкой, подперев щеку рукой, сидела немолодая женщина с лицом, которое, казалось, хранило отпечаток всех забот Шанхая. Она с нескрываемым любопытством окинула Ван Ся оценивающим взглядом.

— Добрый день. Мне нужна комната, — сказала Ван Ся, сияя от переполнявших ее эмоций.

— Комнаты есть, — женщина ответила сухо, но без неприязни. — Надолго?

— Пока не знаю. Я только что приехала. Ваш город... он потрясающий!

Уголок губ женщины дрогнул в подобии улыбки.

— Потрясающий, — безразлично повторила она. — Меня зовут миссис Яо. Я здесь экономка. Комната на втором этаже, с окном во двор. Тихо.

Она протянула тяжелый ключ.

— Только, девочка, не шумите по ночам. И ценности получше прячьте. Шанхай — город не только потрясающий, но и полный карманников.

Ван Ся кивнула, все еще улыбаясь, взяла ключ и понесла свой чемодан по скрипучей лестнице.

Комната оказалась убогой, но чистой. Окно действительно выходило в узкий, заставленный горшками с увядающими растениями двор. А напротив, в такой же комнате соседнего дома, за занавеской горел тусклый свет. Сквозь неплотно прикрытую раму тянулась тонкая

струйка дыма со странным, пряным и горьковатым одновременно запахом — будто жгли сухие корни.

Ван Ся распахнула окно, вдохнула воздух, пахнувший жареным маслом, углем и той неизвестностью, которую она так искала.

Она не знала, что соседний дом — частная резиденция.

Она не знала, что тяжелый, пряный дым — лишь странный ритуал человека, который так уставал от реальности, что предпочитал смотреть на нее сквозь пелену благовоний и бессонных ночей.

И уж точно она не знала, что за тем окном, в полумраке, от скуки и меланхолии изнывает тот, чьим умом она будет бредить вскоре — гениальный сыщик-консультант Лон Шаорань.

Но пока она была просто счастливой, полной надежд девушкой, которая только что поселилась по соседству со своей судьбой.

Ночь накрыла Шанхай тяжелым, бархатным покрывалом, прошитым золотыми нитями далеких фонарей и красными всполохами неоновых вывесок. Но в комнате Ван Ся и в ее узком дворе царили иные, более приглушенные тона. Возбуждение от прибытия понемногу улеглось, сменившись тихой, сосредоточенной ясностью.

Она распаковала книги, аккуратно расставив их на столе — свой единственный и самый надежный багаж. За окном город не умолкал ни на секунду. Его голоса стали иными: отдаленный смех из таверны, скрип колес поздно едущей повозки, чьи-то торопливые шаги в переулке, отзвуки далекой фонографической музыки. Это был уже не дневной гомон, а ночной шепот — более интимный и полный скрытых смыслов.

Ван Ся прилегла, но сон не шел. Она прислушивалась к этому шепоту, пытаясь, как в детективном романе, разложить его на составляющие.

«Шаги — торопливые, нервные... мужские. Одинокий прохожий. А вот смех — женский, притворный, для кого-то».

Это была игра, упражнение для ума.

И вдруг ее слух уловил нечто иное. Не общий гул, а четкий, пронзительный звук, идущий, казалось, прямо из темноты двора.

Короткий, приглушенный крик. Женский.

Не от боли — от ужаса. Или отчаянного предупреждения.

Он был так краток, что можно было принять его за ночную птицу или плод воображения.

Но Ван Ся не сомневалась. Она замерла, всем существом вслушиваясь в наступившую тишину, ставшую после того крика еще более зловещей.

Ничего. Лишь шорох, похожий на быстрые шаги, удаляющиеся по булыжнику.

Сердце заколотилось в груди уже не от радости, а от адреналина. Это было оно. Не книжное, а настоящее. Зерно загадки, упавшее на благодатную почву.

Она подошла к окну и заглянула в темноту. Двор был пуст. Свет в окне напротив, откуда шел странный дым, все еще горел, отбрасывая желтоватый квадрат на противоположную стену. И теперь ей показалось, что в том свете на мгновение мелькнула тень — резкое, порывистое движение.

«Не шумите по ночам», — вспомнились ей слова миссис Яо.

Но Ван Ся не была бы собой, если бы послушалась. Она притушила свою лампу, отойдя вглубь комнаты, и устроилась в кресле у окна, завернувшись в тонкое одеяло. Ее глаза, широко открытые и полные решимости, были прикованы к темному прямоугольнику двора и таинственному окну напротив.

Ночь перестала быть просто ночью. Она стала первой страницей нераскрытого дела.

А пряный, горьковатый запах сухих трав, все еще витавший в воздухе, теперь казался ей не просто странным курением, а частью этой новой, мрачной и невероятно притягательной головоломки.

Ее летняя надежда столкнулась с багровой реальностью Шанхая. И она была готова принять вызов.

В то самое время, когда Ван Ся вслушивалась в ночные шорохи своего переулка, в другом конце Шанхая, в районе набережной, где запах морской соли смешивался с ароматом дорогих сигар и отбросами из портовых кабаков, разворачивалась иная драма.

Эдвард Лоуэлл, молодой секретарь британского дипломатического представительства, бежал.

Его безупречный фрак был помят, а на лбу, под светлыми волосами, выступил холодный пот. В его обычно спокойных голубых глазах застыла паника. Он сжимал в руке потрепанный конверт из плотной, желтоватой бумаги — тот самый, что обрек его на этот ночной кошмар.

Он нервно оглянулся, замирая под сенью огромного склада. Улица была пустынна, освещена лишь редкими газовыми рожками, отбрасывающими зыбкие, танцующие тени. Ему почудилось движение в глубине переулка. Не люди, а скорее тени, бесшумно скользящие в темноте. Соломенные плащи, похожие на остроконечные стоги сена, мелькали в отблесках света. Они преследовали его с самого клуба, появляясь словно из ниоткуда.

Сердце Лоуэлла бешено колотилось. Он рванулся с места, свернул в первую попавшуюся арку и увидел перед собой темный силуэт заброшенного даосского храма. Резные драконы на облупившихся воротах казались насмешливыми стражами. Это было его единственное убежище.

Он влетел внутрь, споткнувшись о груды битого кирпича. Воздух был спертым, пах пылью, плесенью и тлением. Лунный свет, пробивавшийся сквозь дыры в крыше, выхватывал из мрака обломки алтаря и обвалившиеся фрески. Лоуэлл прижался спиной к холодной стене, пытаясь перевести дыхание, сжимая конверт так, что бумага промялась.

Тишина.

Он осмелился выдохнуть. Может, он их потерял? Может, это были просто галлюцинации, порожденные страхом?

Из мрака, прямо перед ним, медленно поднялась фигура в соломенном плаще. Бесшумно. Затем другая. И еще. Они окружили его, их лица скрывали глубокие тени капюшонов. — Отдайте... это... — прошептал Лоуэлл, голос его сорвался.

В ответ — мертвая тишина.

И тогда из его горла вырвался крик. Короткий, пронзительный, полный неподдельного ужаса, который разрезал ночную мглу над Шанхаем. Крик, в котором было все: осознание собственной смерти, крах карьеры, отчаяние человека, попавшего в жернова чуждой ему игры.

А потом наступила тишина. Густая, абсолютная, тяжелее любого мрака.

В своей комнате Ван Ся вздрогнула, услышав вдалеке тот самый, второй крик — мужской, отчаянный, оборвавшийся слишком резко. Он был дальше, чем первый, женский, но от этого не менее жутким.

Она не знала, что это кричал Эдвард Лоуэлл. Не знала о конверте. Не знала о соломенных плащах.

Но ее ум, уже настроенный на частоту загадок, уловил связь. Два крика в одну ночь. Слишком много для простого совпадения.

Она посмотрела на окно напротив. Свет в нем все еще горел. И ей показалось, что тень за ним на мгновение замерла, будто тоже прислушиваясь к эху того, далекого, предсмертного крика.

Рассвет в Шанхае был не таким, как в Пекине. Он не наступал мягко, с пением птиц и первыми лучами солнца на красных стенах. Здесь он пробивался сквозь пелену угольной пыли и речного тумана, окрашивая небо в грязно-серые тона.

Ван Ся встретила его, не сомкнув глаз. Она все еще сидела в кресле, закутавшись в одеяло, с лицом, бледным от бессонницы и нервного напряжения.

Ночные крики — сначала женский, близкий и резкий, а потом далекий, мужской, полный смертельной тоски — эхом отзывались в ее уме. Они не были сном. Они были зацепками.

Улица за окном постепенно оживала. С первыми лучами солнца появились уличные торговцы с тележками, зазвучали их гортанные выкрики. Воздух наполнился запахами жареного масла, пота и просыпающегося города. Обыденность этого утра казалась насмешкой над ночными кошмарами.

Именно в этот момент ее внимание привлекло необычное движение.

У подъезда соседнего дома остановилась официальная парная коляска. Из нее вышел Инспектор Ли Сянь. Ван Ся узнала его по газетным гравюрам — прямой, собранный, с лицом, выражавшим скорее усталую ответственность, нежели гнев или глупость.

Сердце Ван Ся забилося чаще.

Инспектор Ли здесь? Значит, ее догадка была верна! За тем окном жил Лон Шаорань.

Не раздумывая, она накинула платье, наскоро привела в порядок волосы и бесшумно выскользнула из комнаты. Лестница была темной и скрипучей, но ей удалось спуститься незамеченной. Она прижалась к косяку парадной двери своего пансиона, откуда был прекрасно виден порог дома напротив.

Дверь открыла миссис Яо. Ее лицо при виде инспектора не выразило ни малейшего удивления.

— Инспектор Ли, — произнесла она с легким кивком. — Он вас ждет.

— Ждет? — удивился Ли Сянь.

— Не вас лично. Он ждет чего-то, что нарушит скуку. Судя по вашему виду, это «что-то» уже случилось.

Инспектор тяжело вздохнул и прошел внутрь.

Ван Ся, затаив дыхание, ждала. Она не могла слышать слов, но через несколько минут дверь снова открылась. На пороге стояли двое: Инспектор Ли и тот, кого она так жаждала увидеть.

Лон Шаорань был бледен, черты его лица казались обостренными бессонницей и той тяжелой внутренней работой, которая не прекращалась в нем никогда. Темные глаза, однако, горели холодным, живым интересом.

— ... и тело нашли всего пару часов назад, — доносился голос Инспектора Ли. — Англичанин, дипломат. В заброшенном храме Нью-ва. Дело щекотливое, Лон. Власти хотят тишины, британцы — крови. А у меня нет даже ниток.

Лон Шаорань собирался сделать шаг к коляске, но вдруг остановился. Он не повернул головы, но его голос, тихий и четкий, был обращен к инспектору:

— Кстати, Ли... Видишь пансионат напротив?

Инспектор кивнул, не понимая.

— На втором этаже, комната с геранями на окне, теперь обитает наш юный дарованный сыщик. Женщина. Ван Ся.

Лон Шаорань наконец повернул голову — и его взгляд, острый как бритва, на секунду встретился с испуганным взглядом Ван Ся, прячущейся в дверном проеме.

Уголок его рта дрогнул в подобии улыбки.

— Если она, скажем, случайно появится на месте преступления... я не стану возражать. Возможно, даже вставлю за нее словечко. Она нас только что слушала. Внимательно.

Сказав это, он развернулся и направился к коляске.

Ван Ся отшатнулась от двери, чувствуя, как по ее щекам разливается жар. Его взгляд был подобен уколу. Он знал. Он знал все это время! Но вместо гнева или насмешки в его словах была странная снисходительность.

Испытание.

Она отступила вглубь холла, а затем, взяв себя в руки, подошла к своему окну, выходящему на улицу. Она не нервничала. Нет. Теперь в ней кипела решимость. Он ее заметил. Он бросил ей вызов.

Из окна она увидела, как Лон Шаорань, небрежно накинув пальто, садится в коляску рядом с инспектором Ли. Тот что-то недовольно говорил, качая головой и бросая взгляд на окно Ван Ся, но Лон лишь отмахнулся, уставившись куда-то в пространство перед собой — уже погруженный в размышления о деле.

Коляска тронулась.

Ван Ся не стала спешно собираться или пытаться незаметно последовать за ними. Она стояла у окна, наблюдая, как экипаж скрывается за поворотом.

Ее пальцы сжали подоконник.

Он сказал *«не стану возражать»*. Это было все, что ей было нужно. Это было приглашение. Неофициальное, дерзкое, но приглашение.

Она подошла к столу, взяла свою записную книжку и карандаш. Ее движения были спокойными и точными.

Урок начинался.

И она не собиралась его пропускать.

Коляска с двумя мужчинами скрылась за поворотом, оставив после себя лишь облачко пыли и гулкую тишину, в которой звенели слова Лон Шаораня: *«...не стану возражать»*.

Ван Ся неподвижно стояла у окна еще с минуту, вживляя в память каждую деталь: направление, в котором они поехали, цвет лошадей, даже то, как ветер трепал полу пальто Лона.

Затем она резко развернулась. В ее движениях не было ни паники, ни лихорадочной спешки — только холодная, отточенная решимость.

Он дал ей шанс. Теперь она должна была доказать, что достойна его.

Она не бросилась бежать по улице, как мог бы сделать неопытный энтузиаст. Вместо этого она быстро набросала в записной книжке:

«Храм Нью-ва. Р-н набережной. Заброшенный. Англичанин. Дипломат. Ночь. Крик».

Спустившись в холл, она застала миссис Яо, вытирающую пыль с конторки. Та подняла на нее испытующий взгляд.

— Вам бы позавтракать, девочка, — сухо заметила она. — Выглядите как призрак.

— Спасибо, миссис Яо, не сейчас, — Ван Ся постаралась говорить ровно, скрывая внутреннюю дрожь. — Скажите, а где здесь можно найти извозчика? Быстро и не слишком дорого.

Миссис Яо на мгновение задумалась, затем махнула тряпкой в сторону двери.

— На углу, у лавки старика Чжоу. Скажите, что от меня. Не оберут.

Кивнув в знак благодарности, Ван Ся выскользнула на улицу.

Воздух, еще недавно казавшийся ей полным надежд, теперь был наполнен иным, металлическим привкусом опасности. Она быстро нашла извозчика — немолодого человека с умными глазами — и назвала адрес. Не сам храм, а улицу в двух кварталах от него. Привлекать лишнее внимание, подъезжая к месту преступления, было бы глупо.

Дорога заняла не больше двадцати минут.

Забравшись вглубь старого района, они наткнулись на толпу зевак и нескольких городских, оцеплявших переулок, ведущий к храму. Ван Ся расплатилась и, сделав вид, что просто прохожая, замешалась в толпе.

Отсюда, из-за спин любопытных, она могла разглядеть вход в храм. У облупившихся ворот с обвалившимися резными драконами стояла та самая парная коляска. Рядом с ней — Инспектор Ли, разговаривающий с каким-то офицером. Его поза была напряженной.

Но Лон Шаораня не было видно.

Ван Ся обошла толпу по периметру, стараясь найти лучший ракурс. Ее взгляд упал на полуразрушенную стену, примыкавшую к храму. Оттуда должен был открываться вид во внутренний двор.

Проверив, что городские отвлечены, она юркнула в соседний проход, заваленный хламом, и, подобрав подол платья, ловко вскарабкалась на груды кирпичей.

Отсюда ей было видно все.

Внутренний двор храма. На плитах, поросших сорной травой, лежало тело молодого человека в дорогом, но помятом европейском костюме.

Рядом с ним, на корточках, сидел Лон Шаорань.

Он не трогал тело, не суетился. Он просто смотрел. Его поза напоминала хищную птицу, замершую в созерцании жертвы. В одной руке он держал лупу, но, казалось, почти не пользовался ею. Он впитывал картину целиком: положение тела, разбросанные вокруг предметы, тени, падающие от колонн.

Ван Ся затаила дыхание, стараясь смотреть так же, как он.

«Наука, а не ремесло», — вспомнила она. Что он видит? Что он ищет?

Вдруг Лон Шаорань поднял голову. Не к инспектору, не к небу.

Его взгляд, острый и направленный, медленно пополз по стене, мимо облупившейся штукатурки, мимо гнезда ласточек — и остановился прямо на ней, на Ван Ся, притаившейся на груды кирпичей.

Он не удивился. Не рассердился.

Он лишь на долю секунды задержал на ней свой пронзительный взгляд, а затем, почти незаметно, кивнул. Всего один раз.

Это не было одобрением. Это было констатацией:

«Ты здесь. Хорошо. Смотри и учись».

Затем он снова опустил глаза к телу, его пальцы осторожно обошли край одежды жертвы, выискивая невидимые глазу улики.

Ван Ся не шелохнулась, чувствуя, как по спине бегут мурашки.

Ее первая лекция по детективной науке началась.

И профессор только что вызвал ее к доске, даже не произнеся ни слова.

Тело Эдварда Лоуэлла лежало в центре зала заброшенного храма, в луче бледного света, пробивавшегося сквозь дыры в крыше. Оно было неестественно вытянуто, руки раскинуты, словно в немом удивлении.

Но самым жутким элементом сцены была не сама жертва, а то, что красовалось на стене за его спиной.

Иероглифы, начертанные густой, почти черной кровью:

(Мщение).

Они были выведены с уверенным, почти каллиграфическим размахом, что контрастировало с хаосом смерти.

Стража стояла по периметру, отгораживая место преступления от внешнего мира бледным кольцом мундиров. Но внутри этого круга царил один человек.

Лон Шаорань двигался с холодной, почти машинной эффективностью. Он не суетился, не наклонялся слишком низко без нужды. Его глаза, всего час назад помутневшие от усталости, теперь стали зрачками хищника, сканирующими каждую песчинку.

Он обошел тело, его взгляд скользнул по дорогам, но испачканным в грязи ботинкам Лоуэлла.

— Инспектор, — его голос прозвучал громко в гробовой тишине зала. — Обратите внимание на грязь. Она не уличная, не речная. В ее составе есть частицы красной глины и... угольной пыли. Специфическая смесь. Ее можно найти в районе старых кирпичных мастерских на окраине французской концессии. Ваш дипломат побывал там перед тем, как прийти сюда.

Он сделал паузу, приблизившись к телу, но не прикасаясь к нему.

— И еще... Табак. Редкий сорт с кисловатым оттенком и нотками морской водоросли. Дым не от сигары, а от трубки. Он витал в этом зале после убийства. Убийца курил, наслаждаясь видом своего творения. Спокойный, уверенный в себе.

Затем Лон Шаорань жестом указал на пространство вокруг тела.

— И самое главное. Посмотрите. Нет следов борьбы. Поза жертвы... не оборонительная. Он был застигнут врасплох. Но не убежал. Он смотрел на своего убийцу. Возможно, знал его. Или был так ошеломлен его появлением, что не успел среагировать.

Инспектор Ли, стоявший рядом, хмуро слушал, делая пометки в блокноте.

— Мщение, — кивнул он в сторону кровавой надписи. — Явный мотив. Китаец, мстящий иностранцу.

— Слишком явный, инспектор, — тут же парировал Лон Шаорань. — Слишком... театрально. Каллиграфия идеальна. Человек, находящийся в состоянии слепой ярости, не станет так старательно выводить иероглифы. Это послание. Но не для нас. Для кого-то другого. Для зрителей. Для тех, кто должен увидеть в этом акт «справедливого» возмездия.

Он наконец поднял голову и снова посмотрел в сторону стены, за которой, как он знал, пряталась Ван Ся. На этот раз он говорил громче, обращаясь не только к Ли, но и к ней.

— Это не слепая месть. Это расчет. Убийца — не разъяренный патриот, а холодный кукловод. Он использовал тело как холст, а кровь — как чернила, чтобы написать пьесу, в которой мы все — всего лишь актеры.

Его слова повисли в воздухе, смешиваясь с запахом смерти и старой пыли.

Лон Шаорань снова опустился на корточки, продолжая свой безмолвный диалог с мертвецом, оставляя Инспектора Ли и невидимую ученицу за дверью переваривать его выводы.

Для Ли это были улики.

Для Ван Ся, прижавшейся к холодным кирпичам и лихорадочно записывающей каждое слово в свою книжечку, — это были первые, огненные буквы в азбуке новой науки.

Науки, в которой за видимым «мщением» скрывалась куда более сложная и страшная правда.

Инцидент произошел так быстро, что стражи не успели среагировать.

Юная женщина в простом, но чистом платье, словно тень, проскользнула под протянутой рукой одного из офицеров и оказалась внутри зала, прямо на линии, очерченной мелом.

— Простите, господин инспектор! Я должна это видеть! — ее голос, звонкий и полный решимости, разрезал тягостную атмосферу.

Инспектор Ли вздрогнул и резко обернулся, его лицо исказилось от возмущения и досады.

— Молодая леди, это не место для вас! Немедленно покиньте помещение! — он сделал шаг к ней, жестом приказывая стражам.

Но Ван Ся его уже не слушала.

Ее взгляд, острый и цепкий, был прикован к телу. Она не видела ужаса смерти — она видела загадку. И ее ум, натренированный на поиск несоответствий, уже выхватил деталь, упущенную другими.

— Он держал что-то в левой руке, — проговорила она, не отрывая взгляда от руки Лоуэлла. — Смотрите — зажато между пальцев. Волосок? Нет...

Она наклонилась чуть ближе, щурясь.

— Шелковая нить. Красного цвета.

Она инстинктивно потянулась рукой, чтобы извлечь улику, но ее движение было резко прервано.

Лон Шаорань, молнией выпрямившись, с железной хваткой схватил ее за запястье. Его пальцы были холодны и сильны. Его лицо, обычно выражающее лишь скуку или циничный интерес, теперь было искажено ледяным гневом.

— Не трогать, — его голос прозвучал тише обычного, но от этого в сто раз опаснее.

Он не смотрел на нее — его взгляд был прикован к полу, где только что стояла ее нога.

— Вы уже испортили отпечаток на полу своим неуклюжим проникновением. Микроскопический след уличной грязи, который мог бы привести нас к тому, кто стоял здесь до вас. Ваша «помощь» не требуется.

Укол был болезненным и точным. Жар стыда и гнева залил щеки Ван Ся.

Но она не отступила.

Вместо этого она подняла на него взгляд, полный вызова.

— А вам требуется помощь того, — выдохнула она, — кто знает, что эта красная шелковая нить высшей пробы, с золотой прокраской, используется только в мастерских Южного Пекина для вышивки церемониальных вееров, которые поставляются напрямую в императорский дворец и дома высшей знати!

Последние слова повисли в воздухе.

Гнев на лице Лон Шаораня исчез, сменившись абсолютной, кристальной неподвижностью. Он медленно, очень медленно перевел взгляд с пола на ее лицо.

Впервые за весь день — возможно, за многие недели — он смотрел на человека не как на досадную помеху или статиста, а как на объект, достойный пристального изучения.

Его аналитический взгляд скользнул по ее лицу, отметил ум в глазах, упрямый подбородок, простую, но качественную ткань платья, выдавшую ее происхождение из некогда благородной, но обедневшей семьи.

Он все еще держал ее за запястье, но хватка ослабла.

Наступила мертвая тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием Инспектора Ли.

— Вееров... — наконец произнес Лон Шаорань, и в его голосе не было ни насмешки, ни гнева. Была лишь холодная констатация факта, который встраивался в пазл его теории.

Он отпустил ее руку и повернулся к Ли.

— Инспектор, — сказал он, не сводя глаз с Ван Ся. — Официально этот инцидент не имел места. Но...

Он сделал паузу, и в его глазах мелькнула та самая искра, которую так жаждала увидеть Ван Ся — искра научного интереса.

— ...задержите мисс Ван. Как важного свидетеля. У меня к ней есть вопросы.

Повелительный голос Лон Шаораня повис в воздухе, нарушая тишину храма.

Слова «*важный свидетель*» прозвучали как приговор, но в глазах Ван Ся они вызвали лишь вспышку торжества. Он не выгонял ее. Он оставлял ее рядом.

Это было все, чего она хотела.

Инспектор Ли выглядел крайне неодобрительно. Его лицо выражало целую гамму эмоций — от раздражения до опасения.

— Лон, это неслыханно! Девушка... она...

— Она обладает специализированными знаниями, которые отсутствуют у нас, — холодно парировал Лон Шаорань, уже вернувшись к осмотру руки покойного. — И она уже... загрязнила место преступления. Лучше, чтобы она была под контролем, чем болталась на свободе и делилась своими догадками с первым встречным репортером.

Он наконец бросил взгляд на Ван Ся.

— Официально — она задержана за нарушение кордона. Неофициально... сейчас она сдаст экзамен.

Он жестом подозвал одного из стражников.

— Осмотрите левую руку покойного. Аккуратно. Используйте пинцет.

Солдат, нервно кивнув, выполнил приказ. Через мгновение он извлек из между пальцев Эдварда Лоуэлла короткую, не более двух дюймов, красную шелковую нить. Она блестела в луче света, словно капля крови.

Лон Шаорань взял пинцет с уликой и поднес к глазам. Его взгляд стал еще более пристальным.

— Итак, мисс Ван Ся, — произнес он, не глядя на нее. — Вы утверждаете, что этот конкретный тип нити используется исключительно в мастерских Южного Пекина для церемониальных вееров. Что еще вы можете сказать? Ваша оценка. Быстро.

Он проверял ее. Не только на знание, но и на способность к дедукции.

Ван Ся сделала глубокий вдох, стараясь унять дрожь в коленях. Она чувствовала на себе тяжелые взгляды Инспектора Ли и стражников.

Но это был ее шанс.

— Такой цвет и качество... Это не товар широкого потребления. Это заказ. Очень дорогой. Веер, для которого используется такая нить, — не просто безделушка. Это символ статуса. Его могли себе позволить лишь очень богатые или знатные особы. Возможно... члены императорского двора или иностранные дипломаты высшего ранга, желающие подчеркнуть свое уважение к нашим традициям.

Лон Шаорань медленно кивнул.

— Следовательно, — продолжил он ее мысль, — наш покойный дипломат, Эдвард Лоуэлл, перед смертью контактировал с человеком, обладающим таким веером. Или, по крайней мере, с его фрагментом. Этот человек был достаточно близко, чтобы Лоуэлл успел выдернуть эту нить и зажать ее в руке. Это не было случайностью. Это была попытка оставить улику.

Он повернулся к Инспектору Ли.

— Отбросьте теорию о случайном грабителе или слепой мести. Это было целенаправленное убийство. И убийца — не бедный ремесленник. Он принадлежит к высшим слоям общества.

Лон Шаорань наконец повернулся к Ван Ся. Его глаза изучали ее с безжалостной объективностью.

— Ваша информация... не лишена ценности, — произнес он, и в его тоне не было ни грана похвалы, лишь констатация. — Но ваши методы — варварство. Один неверный шаг — и вы стираете единственную улику, которая могла бы привести нас к убийце. Вы понимаете это?

Ван Ся встретила его взгляд, не опуская глаз.

— Понимаю. Но без моего «варварства» вы бы искали эту нить еще час. Если бы вообще нашли.

Уголок рта Лон Шаораня дрогнул. Возможно, это была почти незаметная улыбка. Возможно, гримаса раздражения.

Он вернул нить в пробирку и протянул Ли.

— Инспектор, — сказал он. — Отведите мисс Ван в участок. Я допрошу ее там. И пока она находится под стражей, я полагаю, будет благоразумно предоставить ей доступ к архивам

по делам, связанным с кражей церемониальных артефактов и... мастерскими Южного Пекина. Для начала.

Это не было прощением. Это было новое задание. Испытание продолжалось.

Но для Ван Ся, которую двое стражников уже вели к выходу, это звучало как самая сладкая музыка.

Она не просто увидела место преступления. Она стала его частью.

И ее летняя надежда, столкнувшись с багровой реальностью, не погасла. Она закалилась, как сталь.

Глава 2

Архивы и тени

Пыльный луч света, пробивавшийся сквозь маленькое зарешеченное окно архива полицейского участка, выхватывал из полумрака столпы папок и грессбухов. Воздух был густым и сладковатым от запаха старой бумаги, клея и времени.

Ван Ся сидела за грубым деревянным столом, погруженная в изучение дела, которое отыскала по наводке одного из писцов — *«Исчезновение рубинов принца Чуня»*.

Это было не просто дело. Это была демонстрация метода.

Там, где официальные протоколы описывали тупики и бесплодные обыски, лаконичные заметки Лон Шаораня, сделанные острым, угловатым почерком, рассекали путаницу как скальпель.

Она читала, затаив дыхание.

«Стража ищет крупный груз. Глупость. Рубины были изъяты из оправы. Для чего? Не для перепродажи — это слишком заметно. Для иного применения. Спросить ювелиров принца: были ли камни идеально ровными? Каков их точный размер?»

Следующая запись:

«Подтверждено. Размер и форма рубинов совпадают с глазницами церемониальной маски Нефритового Дракона, украденной из храма предков неделей ранее. Не кража. Замена. Кому понадобилось вставлять настоящие рубины в поддельную маску? Тому, кто готовил подношение. Или тому, кто хотел обесчестить ритуал.»

И вывод:

«Найден у гадалея на птичьих внутренностях в районе рынка. Не сам гадалец, а его покровитель. Рубины были впавлены в восковые фигурки для черного обряда. Мотив — не нажива, а политическое устранение. Принц Чунь был опозорен, его реликвии осквернены. Заказчик — чиновник из свиты его брата.»

Ван Ся откинулась на спинку стула, пораженная.

Это был не просто сыск. Это было... чтение мыслей. Чтение мыслей города, преступника, жертвы. Лон Шаорань не искал украденные камни. Он искал идею, стоящую за кражей. Он спрашивал не «где?», а «зачем?» и «для кого?».

Она поняла его ярость на месте убийства Лоуэлла.

Она смотрела на иголку, а он пытался увидеть весь ковер, всю ткань заговора. Он мыслил не предметами, а связями, символами, намерениями.

«Он ломает ваши иллюзии», — предупреждал Инспектор Ли.

Но, читая эти строки, Ван Ся чувствовала не страх, а жгучую, почти болезненную ясность. Да, это было холодно. Цинично. Но это была правда. Грязная, сложная, багровая правда Шанхая, которую ее любимые детективные романы так тщательно обходили стороной.

Она закрыла папку и посмотрела на конверт с красной шелковой нитью, лежавший перед ней.

Теперь это был не просто кусочек шелка. Это был ключ. Возможно, к другому ритуалу. К другой политической интриге. К другому акту осквернения.

Она взяла свой блокнот и карандаш. Ее движения стали более уверенными. Она не просто искала упоминания о шелке. Теперь она искала заказ. Искала имя вышивальщика. Искала связь между мастерскими Южного Пекина и иностранными дипломатическими миссиями.

Она искала не веер, а причину, по которой такой веер мог оказаться в руках убийцы в заброшенном храме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.